

*Т. Ю. Морева
(Одесса)*

ОБ АППЕРЦЕПЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ („МЕРТВЫЕ ДУШИ” Н. В. ГОГОЛЯ И „ПОД ИГОМ” И. ВАЗОВА)

У статті розглядаються особливості апперцепції в романах М. В. Гоголя „Мертві душі” та Івана Вазова „Під ярмом”. На матеріалі аналізу сцен зазначених творів робиться висновок про схожі тенденції у творчості російського і болгарського письменників.

Ключові слова: апперцепция, розповідна структура, національний характер, сприйняття.

This article deals with peculiarities of apperception in the novels „Dead Souls” by N.V. Gogol and “Under the Yoke” by I. Vazov. Illustrating the analysis of two scenes in the works mentioned above, the author draws a conclusion as to similar tendencies in their writing.

Key words: apperception, narrative structure, national character, perception.

Апперцепция представляет собой процесс освоения человеком новой информации на основе использования им наличного опыта, то есть имеющегося у него запаса знаний и представлений. В нашей статье сосредоточим внимание на роли слова в процессе апперцепции и будем опираться на положения, содержащиеся в известном труде А. А. Потебни „Мысль и язык”. „Апперцепция, – писал ученый, – есть участие сильнейших представлений в создании новых мыслей” [4, 127]. Объект нашего исследования – фрагменты из „Мертвых душ” Н. Гоголя и „Под игом” И. Вазова, его предмет – рассмотрение в них процесса апперцепции, помогающего понять смысл и направленность комического в раскрытии обоими художниками пошлости окружающей среды.

В гоголевском повествовании слово живет не только во внутри-текстовых, но и в межтекстовых зависимостях. И каждое употребление слова-образа несет в себе след прежних семантических связей и смыслов. При этом создается не только художественно-эстетический эффект „игры” в слове, но и обнаруживается ироническая позиция рассказчика, повествующего о странностях окружающего мира. Трагедийность внешне комических ситуаций, отражающих объективно существующие „несообразность и несоответствие”, – важнейшее слагаемое поэтики Гоголя.

Для художественной системы Гоголя чрезвычайно существенна эстетически значимая неполнота выявления приема, что, безусловно, связано с психологическим значением слова, а, следовательно, и с апперцепцией, объяснением, толкованием. Повествование на грани реальности, взаимопроникновение и взаимосвязанность яви и сна, живого и предметного миров задает особенный, колеблющийся образ, запечатленный в нескольких проекциях. Предметный мир располагается как бы на грани одушевленности. Взаимная соотнесенность и взаимная проницаемость двух миров (живого и неживого, реального и фантастического, сна и яви) во многом определяет стилистику художественного творчества Н. В. Гоголя, особенности системы повествования, направленного на ироническое воссоздание действительности. Поэтому и в переплетениях смыслов ключевого образа-слова обнаруживается ирония повествователя, сквозь которую просвечивает трагическое неприятие уродливой действительности.

В предлагаемой статье мы остановимся подробно на IX главе первого тома „Мертвых душ”, где встречаются дама *просто приятная* и дама *приятная во всех отношениях*. В „Заметках, относящихся к 1-ой части”, Гоголь писал: *„Идея города – возникшая до высшей степени пустота. Пустословие. Сплетни, перешедшие пределы. Как все это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени, как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей. Частности в разговорах дам. Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни; как в них нещадят одна другую. Как созидаются соображения. Как эти соо-*

бражения восходят до верха смешного. Как все невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юбки образуются” [3 4, 692]. Дама просто приятная едет к своей искренней приятельнице раньше приличного времени в непреодолимом побуждении скорее насплетничать. Она прослышала от протопопши, а та в свою очередь от Коробочки, будто Чичиков вломился глухой ночью в усадьбу последней и потребовал продать ему мертвых душ. Так приврать могли, конечно, и Коробочка, и протопопша. Но то, что Чичиков является вооруженным с головы до ног вроде Ринальда Ринальдина, что он скандальёзу наделал ужасного, так что вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит <...> ну просто оррёр, оррёр, оррёр [3 5, 172] и т.п. – все это могло сочинить только дамское досужее воображение, жаждущее сплетни.

Даме просто приятной удалось вывести важные сведения о Чичикове, но „обработать”, осмыслить, апперципировать их она не в состоянии: Она умела только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь сметливое предположение, для этого никак ее не ставало, и оттого, более, нежели всякая другая, она имела потребность в нежной дружбе и советах [3 5, 173]. Осмыслять новости, делать выводы предоставлено было даме „приятной во всех отношениях”. Именно она вывела остроумное заключение, что Чичиков собирался увезти губернаторскую дочку. Заключение, насквозь нелепое, никак не вязавшееся с полученными данными. Но именно таким было свойство ума дамы приятной во всех отношениях.

Эффект сообщения дамы „приятной во всех отношениях” подготавливается при помощи приема задержания, о чем пишет А. Слонимский в книге „Техника комического у Гоголя”. – Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души, – и гостя при таких словах вся обратилась в слух <...> стала походит на легкий пух, который вот так и полетит на воздух от дуновения [3 5, 173–174]. Затем следует большой период, при помощи которого „<...> Гоголь нарочно усиливает нагнетательное движение речи, чтобы сделать затем ощутительнее срыв в комическое” [5, 38]. – Мертвые души, – произнесла во всех отношениях приятная дама – Что, что? – подхватила гостя, вся в волненье. – Мертвые души!... – Ах, говорите

ради бога! [3 5, 174]. Именно здесь находится высшая точка напряжения, а затем следует внезапный срыв: *Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку* [3 5, 174]. Впечатление, которое произвело на просто приятную даму услышанное, подчеркивает эмоциональную напряженность этого срыва: *она так и окаменела на месте, побледнела, побледнела как смерть* [3 5, 174].

Комизм бессмыслицы играет здесь ведущую роль и создается при помощи приема, названного А. Слонимским „комическим алогизмом”. „Этот прием состоит в комическом разрушении логических и причинных связей. Он <...> обнаруживается в речах действующих лиц, <...> в построении диалога, в мотивировке поступков и событий <...>” [5, 46]. Обе дамы демонстрируют весь свой умственный и нравственный арсенал. Им скучно, от скуки они сплетничают, постоянно испытывая „маленькое желание кольнуть друг друга”. Под внешним лоском и кажущейся значительностью их жизни скрывается настоящее ничтожество и пустота, что, в свою очередь, подчеркивается и особенностями лексического состава реплик дам. Как отмечал В. В. Виноградов, характеры „дам”, их обращение и правила жизни „...написаны живыми красками”, их язык пестрит „европеизмами” и выражениями „светской речи” [2, 288]. В разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов: *скандальоу наделал ужасного <...>; Ведь эта история, понимаете ли, история, сконапель, истоар! – говорила гостья с выражением почти отчаяния* [3 5, 171]. Все это является знаком душевной нищеты дамского общества.

Итак, дама *приятная во всех отношениях* в силу своего понимания и разумения объясняет, апперципирует странность поведения Чичикова. Далее *приятной даме* становятся необходимыми подробности насчет похищения. В результате возникает абсурдная ситуация: она выведывает подробности той самой информации, которую сама же сообщила своей приятельнице. Процесс апперцепции заходит в тупик. Что, в свою очередь, стимулирует активность этой пары, рождает дух соревнования, азарта, подхлестывает любопытство. Оно усиливается еще тем, что обе собеседницы, как и

многие дамы города N, равнодушны к Чичикову и видят друг в друге соперниц. Все это содействует рождению версии о Чичикове – похитителе губернаторской дочери, то есть оказывается важным для сюжета поэмы. Дама *просто приятная* сплетничает, но и дама *приятная во всех отношениях* ей под стать. Она ревниво озлоблена и, вспоминая поведение Чичикова на балу, сочиняет миф о намеренном им похищении губернаторской дочери. И теперь уже вся злоба обрушивается на *институтскую невинность*.

Причем, как писал А. А. Потебня, „понимание другого произойдет от понимания себя”. В данном случае – называются качества, являющиеся для них неприемлемыми. Поэтому *приятная дама*, узнав новость, утверждает, что губернаторская дочка <...> *статуя, и хотя бы какое-нибудь выраженье в лице, она статуя и бледна как смерть, она мел, мел, чистейший мел*. Дама была готова лишиться детей, мужа, всего имения, если <...> (у губернаторской дочери) <...> *есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!* [3 5, 174–175]. Дама *приятная во всех отношениях* была не менее возбуждена и настаивала на своей версии: *Ах, как манерна! ах, как манерна! Кто выучил её, я не знаю, но я еще не видывала женичины, в которой бы было столько жеманства, <...> румянец в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками* [там же].

„Степень влияния одних мыслей на другие может, по-видимому, зависеть или от силы сопровождающего их чувства, или от их ясности”, – отмечает А. А. Потебня [4, 128]. Дамы настолько возбуждены, возмущены, что они не только не способны четко мыслить, а, напротив, они теряют логическую нить, сбиваются. Получается то, что в психологии называется „полным воспроизведением”, когда речь движется по ассоциациям, не управляемым логикой.

Абсурд определяет соотношения реплик в диалоге, ставится в центр всего комического действия и, в итоге, разрушает логические и причинные связи явлений. „Создается атмосфера „тумана”, в котором растерянно бродят гоголевские герои, сталкиваются, спорят, не понимая друг друга” <...> ”Туман” – обычное слово Гоголя, подчеркивающее прием логического разрыва (мыслей или событий)”

[5, 60]. Поэтому, как в тумане, путаются в сетях нелепой дамской выдумки и чиновники из „Мертвых душ”. Они судят, обсуждают, решают и никак не могут понять, что же произошло. На это обратил внимание А. А. Слюсарь, когда писал: „Мотив призрачности проходит через всё произведение, принимая самые разнообразные формы и, проявившись с особой силой в изображении того вихря слухов, сплетен и предположений, который поднялся, когда в городе узнали, что Чичиков покупал умерших крестьян” [6, 111].

В произведении И. Вазова „Под игом” с наибольшей полнотой отразились особенности авторского мира – анализ человеческих характеров в национальном аспекте: рассказывая о судьбе личности, он соотносил ее с национальной судьбой, чем был близок к Н. В. Гоголю. Иван Вазов жил в эпоху подготовки к национально-освободительной борьбе болгарского народа и проявил себя не только как литератор, но и как общественный деятель. Он активно участвовал в подготовке Апрельского восстания 1876 года, был свидетелем его кровавого подавления и имел все основания писать о том, что в романе „Под игом” отражены его собственные наблюдения. Эмигрировав в Россию, Вазов жил в Одессе, где был написан роман „Под игом”. Публикует же его писатель после возвращения на родину из эмиграции в 1889 году. Как отмечает М. Цанева, „<...> роман „Под игом” явился закономерным результатом развития всей болгарской литературы после Освобождения, блестящим финалом того периода ее истории, когда литература, уже вплотную столкнувшаяся с новой действительностью, словно последним предзакатным лучом, была пронизана пафосом болгарского национально-Возрождения” [7, 6]. Создавая образы своих многочисленных героев, он стремился в каждом из них выделить черты и особенности национального характера.

Жанровое своеобразие романа „Под игом” состоит в непривычном сочетании и даже „борьбе” приключенческо-сентиментальной фабулы и широкого эпического замысла, в контрастном и одновременно органическом сплетении эпически-спокойного реалистического изображения с яркими эффектными картинами романтического плана. И в этом, быть может, самая характерная особенность

романа И. Вазова, неповторимый колорит произведения, ставшего этапным для болгарской литературы. Не ставя перед собой задачи исследования влияния Н. Гоголя на И. Вазова, вместе с тем хотим обратить внимание на некоторые черты, свойственные творчеству обоих писателей. Возможность „прямого” инолитературного заимствования была поставлена под сомнения еще формалистами: „Входя в чужую литературу, иностранный автор преобразуется и дает ей не то, что у него вообще есть и чем он типичен в своей литературе, а то, чего от него требуют <...> Дело ограничивается либо усвоением некоторых приемов, потребность в которых подготовлена местным литературным движением, либо заимствованием нужного материала” [8, 28]. Но в данном случае речь идет даже не о позднейшей исследовательской аберрации, а о модели восприятия, возникшей одновременно с описываемым литературным явлением, то есть некоторым образом в нем укорененной, а не привнесенной впоследствии.

Описанному в той главе романа, которая стала объектом нашего внимания, женскому монастырю Бяла-Черквы, насчитывающему шестьдесят-семьдесят монахинь, в сюжете романа отведена чисто светская роль. Это своеобразный центр общественной жизни, модный салон, без которого не могло обойтись ни одно сколько-нибудь развитое общество. В довольно богато обставленные монашеские кельи были вхожи лишь представители определенной, той или иной общественной и идейной группировки; здесь происходили деловые встречи, подготавливались помолвки, устраивались свадьбы, здесь же благочестивые монахини потчевали своих гостей вишневым вареньем и городскими анекдотами. И для мирянок, разглядывающих наряды друг друга, и для молодых монахинь, с громким смехом вырывающих друг у дружки упавшие с дерева спелые груши, воскресная служба скорее развлечение, чем служение Богу. Даже вечерняя молитва христовых невест – лишь формальное действие, которое не отвлекает их мысли от мирских забот. Самым авторитетным специалистом по сплетням является хаджи Ровоама, которая вместе с другими монахинями напоминает дам города N из “Мертвых душ” Н. В. Гоголя. Сообщается, что госпожа Ровоама ...

слыла заядлой сплетницей, мастерицей вынюхивать любые городские тайны. <...> Она подтверждала достоверные новости и опровергала ложные; она умышленно распускала слухи, которые на несколько дней давали пищу уму монахинь и постепенно просачивались за пределы монастыря [1, 73]. Одинаково внутреннее состояние дам, живущих сплетнями. Как и дама просто приятная, обуреваемая желанием сообщить своей приятельнице только что услышанную новость, не находит себе места и решается на нарушение правил, отправляясь с визитом ранее приличного времени, госпожа хаджи Ровоама не находит себе места, находится не в духе, не имея возможности обсудить, кто освободил доктора Соколова и кто лишил ее удовольствия ежедневно выслушивать да и самой выдумывать новые предположения о том, что его ждет? Её возмущению не было границ [1, 73]. Бедная хаджи Ровоама мучается бессонницей и ломает голову над страшными загадками. И, наконец, блестящая мысль осенила монахиню во время чтения вечерней молитвы: монахиня так обрадовалась, что всплеснула руками, как Архимед, когда он открыл свой великий физический закон [1, 73–74]. Ясно, что, и молясь, она была поглощена светскими проблемами. Мысль о том, какой эффект произведет ее сообщение, заставляет хаджи Ровоаму, не приводя себя в порядок, направиться к сестре Серафиме и поведать ей, что именно у жены бея был доктор ночью и именно она выпустила доктора Соколова.

„Апперцепция – везде, где данное восприятие дополняется и объясняется наличным хотя бы самым незначительным запасом других”, – пишет А. А. Потебня [4, 125]. Хаджи Ровоама узнает об освобождении доктора Соколова, это возмущает и тревожит ее, и она в силу своего душевного и нравственного развития апперципирует этот факт. Так же, как и в городе N, наутро все в монастыре говорили об одном: *История о докторе и жене бея разрасталась, принимая угрожающие размеры* [1, 74]. Монахини нашли единственный путь объяснения загадочного, погрузившись в тайны интимной жизни города. После стремительного темпа и драматической напряженности начала романа автор дает читателю некоторую передышку, перенося действие в более спокойную бытовую плоскость.

Неожиданное появление Бойчо Огнянова в Бяла-Черкве, по-своему преломившись в наивных представлениях местного общества, не имеющего ни малейшего понятия о событиях ночи, теперь приобретает даже юмористическую окраску. Усердные собирательницы городских сплетен – обитательницы женского монастыря – сообщают весьма противоречивые сведения о прибывшем: *мать София говорила, что он приехал поправить свое здоровье. Госпожа Рипсимия уверяла, что он торгует розовым маслом. Сестра Нимфодора рассказывала, что он собирается поступить в учителя. Мать Соломона и госпожа Парашкева давали понять, что ни те, ни другие сведения не соответствуют действительности, а приехал он высмотреть себе невесту, и они даже знают, кого он хочет посватать... Сестра Апраксия клялась, что он переодетый русский князь, приехавший посмотреть старую крепость и пожертвовать ризы монастырской церкви. Но сестре Апраксии не очень верили, потому что в лучших домах она не бывала <...> да к тому же была глуховата* [1, 75]. Как и чиновники губернского города в „Мертвых душах”, монахини выдвигают версию о переодевании: в Чичикове видели чиновника из канцелярии нового генерал-губернатора, а в Огнянове – приехавшего инкогнито русского князя.

Все эти комические комментарии, разумеется, не влияют на развитие самого действия, а приводятся лишь для характеристики быта и нравов городка и женского монастыря – своеобразного центра светской жизни. Вторгшийся поначалу в Бяла-Черквы как воплощение надвигающейся революционной бури, главный романтический герой теперь должен раскрыться в своих отношениях с жителями городка в обыденном, общежитейском плане. И здесь умение автора строить фабулу позволяет ему быстро завязать тесные взаимоотношения между героем и пестрым обществом городка. Не успевает Огнянов сделать открыто первые шаги, как у него появляется опасный враг – *достопочтенная* тщеславная монахиня госпожа хаджи Ровоама. Смертельно обиженная тем, что вновь прибывшее лицо не почтило ее своим посещением, она распускает о нем леденящую слух сплетню: „*Наутро*, – сообщает повествователь, – *весь монастырь уже знал, что этот незнакомец, этот Огнянов – ту-*

рецкий шпион!” [1, 75]. А чуть позже узнал и весь город. Со своей целью поставщиков новостей и открывателей истины монахини с честью справились. Отметим, что и к Чичикову отношение дам резко изменилось после бала в доме губернатора: ведь он сосредоточил свое внимание лишь на дочери хозяина дома, не проявив должного уважения к остальным. Сравним с „Мертвыми душами”: ошарашив новостью вошедшего прокурора, обе дамы его оставили и *<...>отправились каждая в свою сторону бунтовать город. Это предприятие удалось произвести им с небольшим в полчаса* [3 5, 178].

Действия Чичикова ставят обитателей губернского города в тупик в связи с тем, что они живут, абсолютно не заботясь о происходящем вокруг и занимаясь исключительно своими бытовыми делами. Поэтому, стараясь разрешить загадку, они всего лишь приспособливают „сильнейшие”, по словам А. А. Потебни, представления к непонятному для них. А сильнейшими для них являются те установки, которые они усвоили из любовных романов. Дама *приятная во всех отношениях* в силу особенностей своего мышления решает, что покупка Чичиковым мертвых душ выдумана лишь для прикрытия и что Чичиков хочет увезти губернаторскую дочку, по-своему апперципирует поведение Чичикова. Принципиальной разницы между обитателями губернского города и Чичиковым нет. Хотя он и представляет новый для русского национального характера первой половины XIX века тип предпринимателя, цель его та же, что и у них – благополучное устройство частной жизни. Как и помещики, чиновники и те же дамы, представленные в первом томе гоголевских „Мертвых душ”, Чичиков отчужден от общенациональных интересов.

Ситуация в романе „Под игом” И. Вазова гораздо трагичнее: в нем идет речь о национальном расколе в период освободительной борьбы. С одной стороны в нем представлены характеры людей самого разного материального и социального статуса, жаждущих национальной независимости, а с другой – те, кто по-прежнему занят пустыми, „мертвыми” (то есть бесполезными с точки зрения общих интересов) выдумками и сплетнями. Потому и не понятен хаджи

Ровоаме и другим обитательницам монастыря революционер Бойчо Огнянов. Возникшее у них впечатление от его появления в городе подвергается новым изменениям, вторично воспринимается, т.е. апперципируется на уровне их сознания, поэтому и происходят „гадания” о нем. Так в обоих произведениях художественное слово как средство апперцепции становится одновременно средством разоблачения пустоты окружающей среды.

Литература

1. Вазов И. Под игом / Иван Вазов. – М. : Художественная литература, 1984. – 319 с.
2. Виноградов В. В. Язык Гоголя / В. В. Виноградов. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. – М. : Наука, 1990. – С. 271–331.
3. Гоголь Н. В. Собр.соч.: В 8 т. / Николай Гоголь. – М. : Правда, 1984. – Т. 4, Т. 5.
4. Потебня А. А. Мысль и слово / А. А. Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 200 с.
5. Слонимский А. Техника комического у Гоголя / А. Слонимский. – Петроград: АСАДЕМІА, 1923. – 65 с.
6. Слюсарь А. А. Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления / А. А. Слюсарь. – Киев-Одесса : Лыбидь, 1990. – 189 с.
7. Цанева М. Роман Ивана Вазова „Под игом” / М. Цанева. – М. : Художественная литература, 1975. – 125с.
8. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Гос. изд-во , 1924. – 150 с.